

Спутник был запущен в космос 4 октября 1957 г., в 22 часа 28 минут. Радиостанция, где находился Слава, была оборудована в фургоне, который стоял на ракетном полигоне в километре от стартовой площадки. В фургон набралось много народа, все хотели услышать спутник. Слава сидел у приемников и магнитофонов и напряженно ждал сигнала. Сильно волновался. Но вот, наконец, услышал сначала тихое, а потом все более усиливающееся «бип-бип-бип». Тогда ракетный полигон переименовали в космодром. Вячеслав Иванович Лаппо стал лауреатом Государственной премии СССР, его труд в конструкторском бюро С.П.Королева был отмечен многими правительственными наградами.

В тот раз я у Славы пробыл недолго, но потом, много раз бывая в Москве, всегда навещал гостеприимную семью Лаппо ... Но вот в декабрьский вечер 1992 г. телефонный звонок позвал меня, в трубке я услышал печальный голос Елены Николаевны. Она сказала, что Слава умер. И не стало моего друга, рядового участника Великой Отечественной войны, умного, талантливого русского патриота, немало сделавшего для развития нашей космонавтики ...

Б.Б.Кросс

"Помню я стук метронома..."

Война для меня, как и для многих, не была неожиданностью. Когда появилось сообщение о высадке немецких войск в Финляндии и о том, что Сталин занял пост главы правительства, понял, к чему идет дело. Об этом сказал мне и мой однокурсник Степа Волк (впоследствии видный историк), отец которого был генералом и начальником академии.

Все же Гитлер нас со Степой обманул: Степа считал, что война начнется в августе, а Германия напала на нас на 40 дней раньше. Может быть, поэтому

Кросс Борис Борисович - кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории; в Псковском пединституте работает с 1962 г. С июня 1941 г., являясь студентом Ленинградского университета, участвовал в аэродромном строительстве ВВС округа, затем до эвакуации из Ленинграда в марте 1942 г. состоял в МПВО университета. Награжден медалями "За оборону Ленинграда" и "В память 250-летия Ленинграда".

известие о войне совершенно вывело меня из равновесия. Готовиться к экзамену, который должен был сдавать через три дня, не мог: не сиделось на месте. Я должен был действовать. Поэтому прежде всего, как нас учили на занятиях по ПВО, оклеил все окна полосками бумаги, хотя в душе не верил, что немецкие самолеты смогут прорваться к Ленинграду.

Затем стал сооружать во дворе бомбоубежище: вырыл довольно большую и глубокую «щель», поставил в ней две садовые скамейки, сделал ступеньки, сверху накрыл досками и засыпал толстым слоем земли. В «щели» можно было и стоять, и сидеть. Конечно, это укрытие не могло спасти от прямого попадания фугасной бомбы, но предохранить от «зажигалок», осколков бомб и снарядов, и рушащихся стен здания вполне могло. Все это сделал один и довольно быстро, впрочем, в душе опять-таки не веря, что бомбоубежище пригодится.

Так прошло это воскресенье, 22 июня. На следующее утро поехал в университет (жил я в одном из пригородных ленинградских поселков). Там узнал, что обком комсомола проводит мобилизацию комсомольцев на оборонные работы. Тоже записался, хотя и не был членом ВЛКСМ. Через день оказался в деревне Даймище (недалеко от Рождествено), где началось строительство военного аэродрома. К середине августа он был почти готов. Заканчивая сооружение укрытий для самолетов, узнали, что пора перебираться на другое место, так как подходят немцы.

Нас перевезли в село Кипень (недалеко от Красного села), где тоже строился военный аэродром. Здесь мы, семь студентов-однокурсников, образовавших свою «бригаду», попросили начальство отпустить нас в Ленинград за теплыми вещами. Нам разрешили отлучиться на один день и выдали по этому случаю паспорта, предусмотрительно в свое время отобранные. Ровно через сутки мы вернулись, нагруженные одеялами и другими теплыми вещами (нас поселили в деревне Келози в километре от Кипени).

Мы легли спать, но ночью проснулись от шума: шли беженцы. Увидя нас, они стали кричать, чтобы мы уходили, так как близко немцы. Однако стрельбы не было слышно, кроме ставшего уже привычным отдаленного гула орудий и пулеметных очередей немецких истребителей, которые то и дело обстреливали фанерные макеты самолетов на ложном аэродроме, устроенном как раз возле сеновала, на котором мы спали. Мы решили, что тревога ложная, и спокойно проспали до утра. Утром пошли в контору, но она была на замке. Замок висел и на сельсовете. Местные жители сказали, что начальство и рабочие с аэродрома эвакуировались еще накануне. Ничего не

оставалось делать, как уходить. До Красного села шли пешком, а оттуда поездом приехали в Ленинград. Пропусков у нас не было (в Ленинграде была введена контрольно-пропускная система), но контролеры, стоявшие на перроне, не обратили на нас никакого внимания.

Я сразу пошел в университетский комитет комсомола просить, чтобы меня направили на другое строительство. Ходил несколько дней. Наконец, мне сказали, что наши студенты работают в Тосно. Поехал туда (на этот раз не с пустыми руками, а с рюкзаком), но уже на вокзале в Тосно встретил ребят, работавших на аэродроме, которые уезжали в Ленинград, так как и сюда подходили немцы, которые, как мне сказали, перерезали железную дорогу Ленинград-Москва в районе Чудова. Больше никуда комитет комсомола направить меня не смог.

В 20-х числах августа поехал в университет, чтобы получить продуктовые карточки на сентябрь на себя и на маму, которая числилась моей иждивенкой (хотя я не получал даже стипендии, не успев сдать двух экзаменов за второй курс). Получив карточки, у дверей истфака встретил нескольких студентов старших курсов, с которыми работал в Даймище. Они мне рассказали, что создается новое военное училище - механизации и моторизации Красной Армии. В него направляют работавших на строительстве аэродромов ребят из Пскова и Новгорода, которые не могут вернуться домой, ведь их родные места заняты немцами. Ленинградцев в это училище не берут. Но встреченные мною старшекурсники, будучи комсомольскими активистами, познакомились еще в Даймище с приезжавшим туда инструктором обкома Державским, который обещал «провести» их в училище «по благу». Они предложили мне идти с ними. Меня смущало то, что идти надо было немедленно и я не смогу сообщить маме, что со мной, и передать ей карточки. Ребята стали меня убеждать, что лучше воевать командиром, чем простым солдатом. Но для меня, имевшему «белый билет», вопрос стоял иначе: это была единственная возможность попасть в армию. И я решился.

Мы пошли на Дворцовую площадь, там встретились с Державским, и он привел нас в училище, которое разместилось в помещении техникума северного земледелия на улице Ракова, рядом с «Пассажем». Державский провел нас мимо дежурных и ушел. Мы остались в училище. Там не было еще никакого порядка. Тщетно я пытался найти кого-нибудь, кто мог бы если не дать мне увольнительную для поездки домой, то хотя бы выслушать меня. Меня все больше мучила мысль о том, как должна была волноваться мама, не зная, что со мной, не вернувшись домой, да еще в военное время. Прошло несколько дней, и, когда я почти отчаялся, мне неожиданно повезло:

я нашел-таки такого командира (не помню его звания и фамилии), который не только выслушал меня, но и дал мне записку об отпуске на ... 2 часа! До сих пор удивляюсь, как он решился на это, как поверил мне: ведь я не числился еще ни в каких списках (да и списков, видимо, еще не было) и, если бы захотел, мог бы и не вернуться (ведь он не знал - и я не мог ему об этом сказать, - что я проник в училище добровольно и даже незаконно).

Двух часов на поездку домой было очень мало, но мне невероятно повезло. Едва я вышел на Садовую, как подошел 14-й трамвай, которого и в мирное время приходилось ждать чуть ли не часами. Приехал на Финляндский вокзал. Поезда ходили очень редко и нерегулярно. Но на этот раз поезд ждал меня. Только я сел, как он тронулся. Приехал домой, отдал маме карточки, и отправился обратно. У меня оставалось меньше часа. Прибежал на станцию - поезда нет, и не известно, когда будет. Выбежал на шоссе - ни одной машины. И вдруг одна появилась и остановилась около меня. На мое счастье, шофер должен был ехать по Садовой, мимо училища. Я вернулся точно - минута в минуту - через два часа.

Теперь я был спокоен, и следующие несколько дней промелькнули незаметно. Мы ничего не делали - продолжался организационный период. Три раза в день нас кормили, хотя и скудно. Я читал книжки из библиотеки техникума. Но настал день, когда нас повели в Дзержинский райвоенкомат на медицинскую комиссию - для меня это было полной неожиданностью. Державского на комиссии не было, и меня опять забраковали. Авантюра провалилась.

На следующий день «забракованных» (таких оказалось не так уж мало) собрали во дворе училища, посадили на машины и повезли на Ржевку. Там начиналось строительство нового аэродрома. На этот раз в черте города, вблизи от кольца трамвая 30-го маршрута. Нас разместили в пустых бревенчатых домах, где не было никакой мебели, и мы спали на голом полу. Не было столовой, мы ели картошку, которую копали в поле и пекли в печке. Печка была, и в доме всегда было тепло. А на улице уже стало холодать, пошла дожди. Я помогал землемеру и поэтому все время был в поле, под дождем - в летнем костюме, в сандалиях, без шапки (как поехал недели за две до этого за карточками). Вскоре я простудился и серьезно заболел.

На строительстве не было медпункта, и меня отпустили домой лечиться. Когда же, поправившись, вернулся на Ржевку, оказалось, что в списках я не значусь и вообще лишний (мне сказали: "Не знаем, что делать с ребятами из Пскова и Новгорода, а тут еще ты"). Узнав, что я студент, предложили

мне продолжать учебу в университете. Я последовал этому совету, но вскоре вступил в пожарную команду МПВО университета.

О тех днях я впоследствии написал стихи:

Помню я стук метронома,
жуткий "фугасок" вой,
мокрую крышу дома,
град "зажигалок"...

Отбой.

Снова мы в тесной дежурке,
согреться пытаемся вновь;
в печку бросаем окурки
и говорим про любовь.

Снова тревоги, отбой -
целую ночь напролет ...
Пусть никакой я не воин,
но отражаю налет.

Потом наступило самое страшное время. Вскоре от нашей команды осталось четыре человека. А потом настал день, когда я, придя на дежурство, двоих из них нашел мертвыми (они умерли от голода), а четвертого - Надеялева - отыскал в больнице, точнее, в так называемом «стационаре». (Он выжил.)